

Ж. СОРЕЛЬ И Ш. МОРРАС — ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ СОЕДИНЕНИЯ ИДЕЙ СИНДИКАЛИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА

Р.В. Кабешев

Нижегородский государственный университет

Начало XX века породило множество движений и течений, в доктринах которых сочетались самым причудливым образом идеи и ценности подчас совершенно противоположные. Первым и наиболее важным синтезом, по мнению целого ряда исследователей, определившим развитие политических идей в начале XX века, сыгравшим если не решающую, то одну из главных ролей в появлении фашизма, стало соединение идей «интегрального национализма» Ш. Морраса и революционного синдикализма Ж. Сореля. В данной статье предпринимается попытка проанализировать причины этого синтеза и его историю.

Первая открытая попытка сближения революционного синдикализма и «интегрального национализма» была предпринята в апреле 1909 года, когда, прочитав второе издание «Расследования о монархии», Ж. Сорель выразил свое восхищение основателю «Аксьон Франсез» [1]. Три месяца спустя Ж. Сорель публикует в «Divinire sociale» Энрико Леоне, самом влиятельном издании итальянских революционных синдикалистов, почтительный отзыв об идеях Ш. Морраса, ответ на который будет опубликован месяц спустя в журнале Action française под заголовком «Антипарламентские социалисты» [2]. Тон статьи и многочисленные эпитеты и похвалы по отношению к Сорелю, свидетельствуют о роли и влиянии идей последнего и том огромном значении, которое придавало «Аксьон Франсез» намечаемому единству. Эта статья, по мнению известного израильского историка З. Штернхеля, и стала первым серьезным доказательством соединения «на самом верху» «интегрального национализма» и сорелевской версии революционного синдикализма. Соединение, но не подлинный синтез, который станет делом молодых последователей Ж. Сореля во Франции и Италии [3].

Каковы же его причины? В работе «Дрейфусовская революция» Ж. Сорель подчеркивает, что «эта революция значительно подорвала моральные силы Франции». «Нужно было, — пишет он, — чтобы поднялся энергичный протест против этого духа декаданса: никакая другая социальная группа кроме «Аксьон Франсез» не могла выполнить роли, требующей одновременно и слов, и веры... Товарищи Морраса образуют отважный авангард, призванный вести настоящую борьбу против невежд, коррумпирующих все, к чему прикасаются в нашей стране, заслуга этих молодых людей станет великой для истории, благодаря им мы можем надеяться, что царство глупости закончится в ближайшие дни» [4].

Ж. Сорель не становится вдруг националистом, он не принимает вульгарный патриотизм, не преклоняется перед одним из крупнейших идеологов французского национализма эпохи М. Барресом, ставшим к тому времени обычным консервативным политиком, богатым и познавшим успех, демагогия Деруледа не трогает его. Он не становится роялистом, и его не прельщает определенный рационализм и позитивизм, присущий моррасовской системе. В реальности его попытка произвести определенный идейный интеллектуальный синтез достаточно устойчива. Ж. Сорель в этом вопросе исходит прежде всего из близости некоторых важнейших аспектов идеологии «Аксьон Франсез». Проповедуя насилие, призывая пролетариат к борьбе против буржуазного порядка, против либеральной де-

мократии, воспевая добродетели христианского пессимизма (для Ж. Сореля католический патриотизм открывает некое дополнительное измерение в великом антирациональном походе) идеолог революционного синдикализма не отрицает исторической преемственности и традиций. Он настаивает, говоря о наполеоновском режиме, «на огромной роли консерватизма, несмотря на все великие революции» [5]. Естественно, что эти мысли были близки и с радостью воспринимались сторонниками Ш. Морраса.

Как отмечает З. Штернхель, образ мысли Ж. Сореля является французским вариантом «консервативной революции», которая наиболее полно будет выражена в Германии, где она установит местный вариант фашизма. Эта школа станет известной благодаря трудам О. Шпенглера, Меллера Ван ден Брука, Э. Юнгера. Сорель в 1912 г. не кто иной, согласно израильскому автору, как «консервативный революционер» [6].

С другой стороны, одна из возможных причин сближения теоретика революционного синдикализма с Ш. Моррасом и «Аксьон Франсез» — необходимость новых источников революционной энергии. Но это был скорее не роялизм, а активная молодежь, рекрутируемая «Аксьон Франсез». П. Дрие Ля Рошель отмечал, что если бы он и был соблазнен «Аксьон Франсез», то это было в тот момент, когда она соединилась с «Кружком Прудона» в стремлении к синдикалистской революции [7].

Как отмечал Пьер Андре, «марксизм Сореля не что иное, как война классов. Эта война для него суть и надежда социализма. Он не противопоставляет социализм капитализму. Он противопоставляет в этой героической войне пролетариат и буржуазию. Сорель выступает гораздо больше против буржуазии, нежели системы капиталистического производства. Он охотно критикует все социалистические системы и не критикует капитализм» [8]. В этот же период не менее известный обозреватель Тьерри Монье отмечал, что, несмотря на всю видимость, «Сорель никогда не менялся: враг демократии обращался к Моррасу или к Ленину, исходя из обстоятельств». В В.И. Ленине Ж. Сорель видел «реванш человека, руководителя, создателя против демократической вульгарности, реванш пролетарского насилия против социалистического предательства» [9].

В годы, предшествующие Первой мировой войне, «Аксьон Франсез» было единственным движением по-настоящему оппозиционным существующей действительности. Слева нарастало стремление к созданию некоего республиканского консенсуса. Революционный синдикализм, теоретиком которого себя считал Ж. Сорель, находился на излете, и рабочие массы начинают все чаще переходить в лагерь социал-демократии. Даже Густав Эрве, живой символ оппозиции либеральной республики, отбрасывает антипатриотизм накануне мобилизации. К 1912 г. Ю. Лагардель, один из лидеров революционного синдикализма, директор *La Guerre sociale*, который также продолжает издавать *Mouvement socialiste*, заключает перемирие с существующим порядком. Единственной организацией, не прекращавшей бороться против существующего порядка, частью которого является и социал-демократия, оставалась «Аксьон Франсез», порвавшая не только с режимом и его институтами, его политикой, но и его духовными основами. «Аксьон Франсез» стремится сформировать «железные бригады», которые опрокинут либеральную демократию [10]. Таковы цель, образ мысли и словарь, которые не могли не нравиться Ж. Сорелю. В созданных условиях АФ и ее сторонники были для Ж. Сореля не только естественными, но и единственно возможными союзниками.

Для Ш. Морраса эта встреча людей, ненавидящих одно и то же, определялась в первую очередь стремлением АФ к проникновению в рабочую среду и, в частности, в движение революционных синдикалистов, которое существовало с момента создания организации. Ш. Моррас и его сторонники прекрасно понимали, что союз с социалистической партией и ее различными составляющими абсолютно бесплоден. С одной стороны, французский социализм перешел точку возврата по пути демократизации. С другой — дело Дрейфуса сыграло свою роль, став фактором интеграции социал-демократии и буржуазии. В этих условиях и для «Аксьон Франсез» Ж. Сорель становится символом и надеждой. В среде националистов того времени поддержка Ж. Сореля открывала новые возможности перед лицом республиканского консенсуса.

Фактически с момента своего появления движение Ш. Морраса следило с большим интересом за идейной эволюцией в лагере левых нонконформистов. Этот оригинальный социализм, основанный на глубокой ревизии марксизма, социализм, который не оспаривает частную собственность и выгоду, ни саму либеральную экономику, но только либеральную демократию и ее философские основы, находил широкий отклик в рядах «Аксьон Франсез». Ш. Моррас уже в 1900 г. начал готовить почву для будущих контактов с левым нонконформизмом. «Настоящая социалистическая система, — отмечает он, — будет освобождена от всякого элемента демократизма». Ш. Моррас отвергает эгалитаризм и марксистский интернационализм, но в то же время для него «социализм, освобожденный от демократических и космополитических элементов, может подойти национализму как хорошо сделанная перчатка к прекрасной руке» [11].

Моррасисты были одними из первых, кто понял всю значимость работ Ж. Сореля. Жан Ривэн близок к истине, считая, что «социализм Сореля не ведет к исчезновению капиталистической экономики, частной собственности, напротив, эта концепция нуждается в элите». Под целым рядом принципов, провозглашенных в сорелевской концепции демократии и революционной борьбы, по словам Ривэна, могли подписаться многие сторонники «Аксьон Франсез» [12].

Общей целью синдикализма и «Аксьон Франсез», как отмечал в 1908 г. Ж. Валуа, было «разрушение республиканского и демократического режима». В 1911 году, будучи ответственным в то время за контакты с левыми нонконформистами, он заявляет с трибуны IV конгресса «Аксьон Франсез»: «Это не простое недоразумение, что наши друзья встретились с синдикалистами. Националистическое движение и синдикалистское не настолько чужды друг другу, как это может показаться, их позиции и актуальные тенденции имеют больше общих целей» [13].

Именно на основе безжалостной критики демократической политической культуры и ее философских основ, ее принципов и ее практики происходит сближение Ж. Сореля с «Аксьон Франсез». Сореля привлекало величие, мощь и насилие, которое исходило от молодых сторонников «Аксьон Франсез».

Именно Ж. Сорель побуждает Э. Берта к сотрудничеству с Ж. Валуа. В июле 1910 г. появляется идея создать журнал *Cite française*, который стал бы единым органом для левого нонконформизма, и в частности синдикалистов и националистов. На рекламном буклете, подписанном Ж. Сорелем, относительно нового издания говорилось следующее: «Это ревью адресуется мыслящим людям, у которых вызывает отвращение глупое тщеславие демократии, гуманистический бред, порядки, заимствованные из-за границы, которые хотят работать исходя из французского духа, его независимости и которые решили идти для достижения этой цели благородными путями, открытыми мэтрами национальной мысли» [14]. Эти идеи были развиты в заявлении по поводу *Cite française*, подписанном Э. Бертом, Ж. Сорелем, Ж. Варио, П. Жильбером и Ж. Валуа.

«Основатели Cite française представляют различные формы общественных суждений, но они полностью согласны с той точкой зрения, что, если мы хотим решить во имя сохранения цивилизации вопросы, которые ставит современный мир, совершенно необходимо разрушить демократические институты. Современный опыт показывает, что демократия представляет самую страшную социальную опасность для всех классов нашего Града, особенно для рабочего класса. Демократия смешивает классы для того, чтобы позволить нескольким бандам политиков, соединившимся с финансистами или управляемым ими, эксплуатировать производителей. Необходимо, следовательно, организовать Град вне демократических идей, необходимо организовать классы вне демократии, несмотря на демократию и против нее. Нужно разбудить сознание, которым должны обладать сами классы и которое заглушено демократическими идеями. Необходимо разбудить собственные добродетели каждого класса, без которых никто не может выполнить свою историческую миссию (...) Для этой борьбы мы обращаемся ко всем, кто признает необходимость этого» [15].

Однако из-за мелочных доводов и личного соперничества это ревью так и не увидело свет. Шесть месяцев спустя после провала Cite française появляется журнал *Independance*, перед которым ставятся те же цели. Поскольку издание Cite Française провалилось из-за вражды Ж. Валуа и Ж. Варио и поскольку в силу верности последнему Ж. Сорель решил прекратить это предприятие, он был вправе руководить новым журналом по своему усмотрению.

Этот журнал публиковался с марта 1911 по июль 1913 и выходил раз в два месяца, всего увидело свет 48 номеров. В течение всего этого времени Ж. Сорель пытался найти оптимальную формулу, формат, устраивающий редакционный комитет во главе с братьями Таро и Ж. Варио.

В октябре 1912 г. М. Баррес, Бурже и Ф. Джеймс вошли в редакционный комитет, но это, тем не менее, не помогло журналу обрести свое лицо, свою специфику. Э. Берт и Ж. Валуа не сотрудничают в журнале, хотя последний признавал «рабочие требования столь же законными, как и национальные требования». Основными темами журнала становятся пропаганда идей национализма, антисемитизма, защита культуры, классицизма и греко-римского наследия, борьба против Сорбонны и светского образования. Сотрудничество В. Парето, Г. Ле Бона и Л. Клоделя не помогло журналу «удержаться на плаву». Более того, постепенно он перестает отвечать тем требованиям, которые обусловили его появление. К тому времени как начал издаваться журнал, Ж. Сорель еще больше сближается с «Аксьон Франсез». В 1910 г. уже можно было видеть, как он неистово защищал движение моррасистов от правых консерваторов [16].

Independance становится на те же позиции. Несмотря на хорошие идеи, выраженные в манифесте нового ревью, он не стал инструментом политической партии или литературного течения, а был скорее простым дополнением, хуже выполненным, менее критичным, менее полемичным, чем издание Ш. Морраса. Ж. Сорель настолько сошелся с Ш. Моррасом, что не останавливался перед публикацией антисемитских статей, которые ни в чем не уступали материалам *Libre parole* Дрюмона и *Antijuif* Герэна. Для «Аксьон Франсез» антисемитизм был необходим в качестве метода как истинная историческая необходимость. «Все кажется невозможным и ужасно трудным, — пишет Ш. Моррас в 1912 г., — без провидения, каким является антисемитизм. С ним все устраивается, сглаживается, упрощается. И если мы не являлись антисемитами из-за патриотической воли, то мы станем ими просто из чувства противопоставления» [17].

Ж. Сорель присоединяется к этой идее и ввязывается в долгую и яростную антисемитскую борьбу. Он сам пишет большую статью, восхваляющую Урбена Гойера — одного из известных антисемитов, в которой он говорит о «необходимости французов защищать собственное государство, свои нравы и идеи от еврейских захватчиков, стремящихся доминировать повсюду» [18].

В статье «Во времена Дрейфуса» он приписывает евреям все угрозы, делая их ответственными за упадок Франции. Во всей Западной Европе, как отмечает З. Штернхель, со времен дела Дрейфуса до укрепления нацизма *Independance* — одно из тех редких изданий, которое осмеливается еще высказываться против евреев, обвиняя их в практике жертвоприношений. В переписке Ж. Сореля с Б. Корче также можно найти множество высказываний теоретика революционного синдикализма против евреев [19]. Антисемитизм представляет собой один из элементов, связывающих интегральный национализм и революционный синдикализм. В письмах Ж. Сореля к Миссироли содержится много ремарок антисемитского толка, так же как в переписке с Э. Бертом и Лагарделем. В то же время Ж. Сорель дружит с евреями (например, Бернар-Лазар, еще со времен дела Дрейфуса), восхищается «добрым евреем» как, например, Бергсон, с энтузиазмом принимает современный сионизм [20]. Антисемитизм Ж. Сореля нельзя рассматривать как уступку и подчинение Ш. Моррасу. Речь идет о настоящей общности идей. В целом ни Ш. Моррас, ни Ж. Сорель не были оголтелыми антисемитами. Евреи вредны не сами по себе, а потому, что они — чужаки, получившие непропорциональное влияние в стране, традиции которой ими игнорируются. Моррас даже ввел категорию вполне терпимых в его идеальной монархии евреев (*le juif bien ne*), к которой относил тех, кто жил во Франции веками. Свой антисемитизм он называл «государственным».

Быстрая и легкая интеграция Ж. Сореля в моррасовское движение, хотя и эфемерная, по крайней мере, такая же, как его дрейфусовский период, или симпатии к В.И. Ленину хорошо иллюстрируют его веру в возможности прорыва национализма. В то время как пролетарская элита, разьедаемая буржуазными пороками, демонстрирует свою моральную слабость и разложение, национализм уверен в будущем и полон сил. Именно на этой базе абсолютного отрицания существующего порядка сходятся крайне правые и крайне левые. «Мы присутствуем при обновлении национализма», — напишет Франсис Презансе [21]. Два года спустя, на VI конгрессе «Аксьон Франсез» Ж. Валуа будет еще категоричнее: «Сегодня именно национализм несет в себе мощь разума и чувства, которые будут отныне главенствовать в социальной трансформации» [22]. Это возвышение национализма приведет к тому, что «национальные ценности заменят в общественном сознании социалистические ценности». Ж. Валуа и Э. Берт ощущают оба, что новое восприятие крепнет и снова необходимо работать в диссидентских кругах (т.е. среди неконформистов).

Журнал *Independance* во главе с Ж. Сорелем, который после «Размышлений» и «Иллюзий прогресса» не сказал ничего нового, начинает терять свое влияние. В этих условиях Э. Берт и Ж. Валуа, объединенные в свое время Ж. Сорелем, в период подготовки издания *Cite francaise*, решают продолжать совместную деятельность и в декабре 1911 года создают новую организацию — «Кружок Прудона». Месяц спустя появляется первый номер «Тетрадей» Кружка. Декларация, опубликованная на первых страницах, заимствует не только идеи, но и повторяет порой слово в слово формулировки из текстов, подготовленных к изданию *Cite francaise*. «Основатели, республиканцы, федералисты, сторонники интегрального

национализма и революционного синдикализма... все в равной степени полны решимости организовать Французский Град согласно принципам, заимствованным во французской традиции, которая отражена в трудах Прудона и современном синдикалистском движении, а также все полностью согласны со следующими пунктами:

Демократия является самой великой ошибкой прошлого века. Если мы хотим жить, если мы хотим работать, если мы хотим обладать в нашей социальной жизни самыми высокими человеческими гарантиями для Производства и для Культуры, если мы хотим сохранить и умножить моральный, интеллектуальный и материальный капитал цивилизации, абсолютно необходимо разрушить демократические институты» [23].

Сам Ж. Сорель не участвует в организации и выпуске «Тетрадей», хотя их цели и задачи схожи с Cite française. Конечно, Ж. Сорель сомневается в искренней вере сторонников Ш. Моррасса в идеи Ж. Прудона и в определенный момент он советует Э. Берту не «связываться с тем делом, которое не может гарантировать хороший результат». Тем не менее, как отмечает Пьер Андре, представляя неизданные письма Ж. Сореля к Э. Берту, после этих первых сдержанных реакций Ж. Сорель «казался довольным антидемократическим пылом Круга» [24].

Одна из причин такого поведения Ж. Сореля в том, что, будучи уже преклонного возраста и имея определенный статус и вес, он хотел остаться в стороне и не пускаться в мелочные разборки. Тем более что основатели четко определили свои привязанности: это, прежде всего, наследие и идеи Ж. Прудона и самого Ж. Сореля. Первый том «Тетрадей» был посвящен Ж. Прудону и анализу его философии, а третий содержал статьи о Ж. Сореле. Последний не скрывал никогда попытки синтеза национализма и синдикализма в рамках «Круга Прудона». Интересен тот факт, что в «Тетрадах» практически не публиковалось хвалебных статей в адрес Ш. Моррасса, а только Сореля, авторитет которого был для членов Круга гораздо выше, чем у основателя «Аксон Франсез». И если оба находились на определенной дистанции как по отношению друг к другу, так и к журналу (Ш. Моррас публикует одну короткую статью, а Ж. Сорель короткое письмо), а основная работа велась молодым поколением, тем не менее и Ж. Сорель, и Ш. Моррас остаются главными фигурами этого синтеза.

Инициатива Круга обращена к элементам радикально настроенным, тем, кто ищут по-настоящему новый политический путь, которые посвящают себя этому со всем азартом молодости. И если «Кругок Прудона» не является непосредственно делом Ж. Сореля, последний никогда не отказывал ему в своем патронаже, своем имени и реноме, никогда он не оспаривал право ссылаться на его труды и выводы.

Чтобы лучше понять солидарность Ж. Сореля с синтезом социал-национальным и его границы, по словам З. Штернхеля, необходимо обратиться к работе Э. Берта «Преступления интеллектуалов», написанной в январе 1914 г. «Братский союз Диониса и Аполлона, — пишет Э. Берт, — вышел из бессмертной греческой трагедии... Так же «Аксон Франсез», которая вместе с Ш. Моррасом является новым возрождением духа Аполлона, через свое соглашение с синдикализмом, который вместе с Сорелем представляет дух Диониса, сможет вскоре родить новый великий век, одну из тех удач, которая после нас оставит мир ослепленным и заворуженным» [25].

Первая мировая война внесла свои коррективы в состояние данного синтеза. В январе 1914 г. в письме к Уильяму Джеймсу Сорель отмечал: «На мировой аре-

не только один героизм будет играть важнейшую роль» [26]. Как и его итальянские последователи, Ж. Сорель ждет от войны Революции. Затянувшийся европейский мир стал возможен, по его мнению, не только благодаря «моральной и интеллектуальной слабости», но и «слабости экономической, духу предпринимательства, ставшего менее мужественным». «Нет никаких сомнений, — добавляет Сорель, — что эта ситуация долго не продлится: будет достаточно самой малости, чтобы разбудить воинское чувство во Франции, и это пробуждение потрясет всю Европу. Великая война упразднит причины, которые сегодня благоприятствуют успокоению и желанию социального мира» [27]. «Война, которая приведет к власти людей, имеющих волю управлять, или к мощному взрыву пролетарского насилия, которое покажет буржуазии революционную реальность и отобьет у них охоту к гуманистической пошлости, которой их убаюкивает Жорес» [28].

Однако вскоре после начала войны Сорель понимает, что либеральная демократия еще вполне устойчива. Ж. Сорель пишет безнадежное письмо Э. Берту, полное тоски и неприязни ко всему и всем и, прежде всего, по отношению к «сакральному союзу» между Муном, Моррасом и Эрве, Вайяном и Жюлем Гедом, который призван «не защищать элементарные блага нации», а рожден «ненавистью к дисциплине, которую Пруссия сохранила», к папе, «сблизившемуся с теми, кто принимал антиклерикальные законы», Моррасу, который никогда не имел серьезных идей о том, какими должны быть социальные силы в монархической стране» [29]. Очень быстро Ж. Сорель почувствовал приближение победы этой коалиции, которая «скоро доберется до всего, что оставалось еще серьезного и великого, римского в Европе» [30]. Однако первые успехи новой революционной, антиматериалистической, антимарксистской и антилиберальной волны близки. Ж. Сорель до самой смерти будет в этом убежден.

Подводя итог, следует сказать, что этот синтез был бы невозможен без общности идей и подходов Ж. Сореля и Ш. Морраса. Оба теоретика питали ненависть к наследию XVIII века Вольтера и Руссо, Французской революции, рационализма и оптимизма, либеральной демократии и буржуазного общества. Ж. Сорель и Ш. Моррас провозглашали тотальный отказ от демократического эгалитаризма, гуманизма и пацифизма, призывая к уважению права элит управлять в обществе масс, защищая классическую культуру и интенсивную веру в силы традиции и наследия и, наконец, рассматривая католицизм как источник дисциплины и как фундаментальную составляющую цивилизации, которую они пытались сохранить от действия деструктивных сил.

Одним из важных элементов синтеза являлось близкое понимание католицизма, где главное — это социальные добродетели: дисциплина, целомудрие, пессимизм, а не вера. Как все мятежники начала века, как М. Баррес и Ш. Моррас, Ж. Сорель интересовался не христианской метафизикой, а христианством как зародышем порядка, способного гарантировать будущее цивилизации. Какое это сообщество — пролетарское или национальное — было не важно, это служило лишь инструментом ожидаемых великих изменений. Вот почему эта Революция не затрагивала никогда основ капиталистической экономики. Антикапитализм Ж. Сореля строго лимитирован политическими, интеллектуальными и моральными аспектами либеральной буржуазной системы. Революция Сореля стремится разрушить теорию естественных прав, устранить права человека, подорвать утилитарные, материалистические основы демократической политической культуры. Она никогда не затрагивала частной собственности. Ж. Сорель стремился возродить производительный капитализм (капитализм производственный) вместо плу-

тократического паразитирующего капитализма крупного капитала, бирж, финансистов, ростовщиков. Революционная теория глубоко привязана к рыночной экономике, компетентной, государство не вмешивается в ее сферу. Ж. Сорель и Ш. Моррас стремятся к революции моральной, интеллектуальной, политической.

Причины относительной неудачи первых попыток синтеза кроются как в объективной ситуации, сложившейся во время и после Первой мировой войны, так и в различиях самих доктрин. Как уже отмечалось, Ш. Моррас и «Аксьон Франсез» пошли на определенный компромисс с правительством Пуанкаре, во многом солидаризируясь и даже формируя его внешнеполитическую доктрину после Первой мировой войны. Это сотрудничество будет длиться до середины 1920-х годов. Другим серьезным препятствием для более тесного сближения двух доктрин была монархическая направленность «Аксьон Франсез», которая не отвечала настроениям в рабочей среде и в самом движении революционных синдикалистов.

Вместе с тем попытки соединить революционный синдикализм и национализм, предпринятые в начале XX века, нельзя назвать полностью провалившимися. В последующие годы именно на основе этого опыта будет формироваться итальянское фашистское движение и движение нонконформистов во Франции. Идеи синтеза национализма и синдикализма найдут своих сторонников во многих странах Европы.

Литература

1. Andreu, P. Notre Maitre M. Sorel / P. Andreu. — Paris, 1953. — P. 325–326.
2. L'Action française. — 1909. — 22 aout.
3. Sternhell, Z. Naissance de l'ideologie fasciste / Z. Sternhell. — Paris, 1995. — P. 108.
4. L'Action française. — 1909. — 22 aout.
5. Sorel, G. Reflexions sur la violence / G. Sorel. — Paris, Marcel, Riviere, 1950. — P. 453–454.
6. См.: Sternhell, Z. Op. cit. — P. 111; Sternhell, Z. Emmanuel Mounier et la contestation de la democratie liberale dans la France des annees trente / Z. Sternhell // Revue française de Science politique. — 1984. — Vol. 34. — № 6. — P. 1141.
7. Drieu La Rochelle, P. Socialisme fasciste / P. Drieu La Rochelle. — Paris, 1934. — P. 221.
8. Sternhell, Z. Naissance de l'ideologie fasciste... P. 112.
9. Ibid.
10. См.: Weber, E. L'Action française / E. Weber. — Paris, 1984.
11. L'Action française. — 1900. — 15 nov.
12. L'Action française. — 1905. — 15 mars.
13. Sternhell, Z. Naissance de l'ideologie fasciste... P. 114.
14. Andreu, P. Notre Maitre M. Sorel...P. 329.
15. Ibid. P. 327–328.
16. Sternhell, Z. Naissance de l'ideologie fasciste... P. 116.
17. Capitan-Peter, C. Charles Maurras et l'ideologie d'Action française / C. Capitan-Peter. — Paris, 1972. — P. 75.
18. Sternhell, Z. Naissance de l'ideologie fasciste... P. 117.
19. Georges Sorel et son temps. — Paris, 1985. — P. 260.

20. Ibid.
21. Sternhell, Z. Naissance de l'ideologie fasciste... P. 118.
22. Histoire et Philosophie sociale. — Paris, 1975. — P. 574.
23. Цит. по: Sternhell, Z. Naissance de l'ideologie fasciste... P. 119.
24. Andreu, P. Notre Maitre M. Sorel... P. 95.
25. Berth, E. Les Mefaits des intellectueis / E. Berth . — Paris, 1914. — P. 355.
26. Ibid.
27. Sternhell, Z. Naissance de l'ideologie fasciste... P. 122.
28. Berth, E. Les Mefaits des intellectueis... P. 19–20.
29. Andreu, P. Notre Maitre M. Sorel... P. 333–334.
30. Ibid. — P. 333.